Научная статья
Original article
УДК 727.12

ПОЗДНИЕ МЕДРЕСЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XIX ВЕКА

LATE MADRASAHS IN THE CONTEXT OF CENTRAL ASIAN CULT ARCHITECTURE OF THE XIX CENTURY

Кондрякова Полина Антоновна, бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (109028, Россия, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11), тел. 8 (925) 147-01-09, paulinekond@gmail.com

Kondryakova Polina Antonovna, bachelor, National Research University "Higher School of Economics" (11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russia), tel. 8 (925) 147-01-09, paulinekond@gmail.com.

Аннотация

В последнее время регион Центральной Азии все больше привлекает внимание исследователей, тем не менее ее архитектура все еще остается малоизученной. Настоящее исследование посвящено специфике медресе конца XVIII – начала XX веков и их месту в общем архитектурном контексте. Памятники конца XVIII – начала XX веков никогда не изучались специально, так как долгое время этот период ассоциировался с упадком архитектурной традиции, что не совсем верно. В статье выявлены закономерности формирования и развития местных архитектурных школ XIX века в основных

центрах государств, сформировавшихся в это время (Бухара, Хива и Коканд). В том числе в работе затрагиваются вопрос колониальной архитектурной парадигмы Средней Азии и проблема реакции местной культовой архитектуры на российское завоевание.

Abstract

Central Asia has recently attracted more and more attention from researchers, yet little attention has been paid to architecture. The study is dedicated to the 19th century madrasas in the region, which were the most widespread type of cult buildings at that time. Monuments of the late 18th and early 20th centuries are the least studied, as for a long time this period has been associated with decline of architectural tradition, which is not quite right. The article reveals the patterns of formation and development of local architectural schools of the 19th century in the main centers of the states formed at that time (Bukhara, Khiva and Kokand). Among other things, the paper addresses the issue of the colonial architectural paradigm in Central Asia and the problem of the reaction of local religious architecture to the Russian conquest.

Ключевые слова: Бухарский эмират, Хивинское ханство, Кокандское ханство, архитектура Центральной Азии, культовое строительство, медресе, колониальная архитектура.

Keywords: Bukhara Emirate, Khiva Khanate, Kokand Khanate, Central Asian architecture, religious buildings, madrasahs, colonial architecture.

Медресе были одним из главных типов культовых построек на всем протяжении развития среднеазиатской архитектуры. Повсеместно принятая пространственно-планировочная схема с замкнутым двором, окруженным худжрами, входной купольной группой, по бокам от которой симметрично располагаются помещения мечети и дарсханы, также перекрытые куполами, была известна уже в тимуридской архитектуре и окончательно сложилась в Бухаре XVI века. Опираясь именно на эту традиционную «базовую» форму и привнося в нее местные черты из народной и древней архитектуры, бухарские,

хивинские и кокандские зодчие XIX века выработали собственные типы-вариации поздних медресе.

Настоящая статья призвана выделить некоторые типологические особенности поздних среднеазиатских медресе трех локальных архитектурных школ, сформировавшихся в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах, а также поместить медресе в общий контекст поздней культовой архитектуры Средней Азии. В первую очередь автором ставится задача рассмотреть памятники не только в контексте типологии, но и с точки зрения хронологического развития, причем путем сравнения процессов, происходивших в каждой из местной традиций в одно и то же время. Именно поэтому статья поделена на условные блоки, в каждом из которых будет рассматриваться временной промежуток равный примерно одному поколению (тридцати-сорока годам).

Конец XVIII – середина 1820-х гг.: преодоление кризиса и формирование «новых» архитектурных школ

XVIII век на всей территории Средней Азии был ознаменован тяжелым кризисом, распространявшимся на политическую, экономическую и культурную сферы. Ни в одном из регионов не существовало достаточно сильной династии, способной объединить территории и установить централизованное управление государством. Напротив, в это время шли постоянные межплеменные войны, сопровождавшиеся разорительными набегами кочевников. Это естественным образом привело не только к приостановке строительства во всей Средней Азии, но и к частичному разрушению памятников прошлого. Такое положение вещей дало основание для формирования распространенного в исследованиях стереотипа о полном прерывании архитектурной традиции, которая вошла в состояние упадка и так и не смогла в полной мере восстановиться в последующее время. Особенно популярной эта идея была в идеологически ангажированной раннесоветской литературе. Тем не менее, подробный анализ памятников позднего времени доказывает противоположное.

В конце XVIII века практически одновременно в трех крупных среднеазиатских центрах (Бухара, Хива, Коканд) начинается сложение независимых государств, во главе которых стояли династии Мангытов, Кунградов и Мингов, соответственно. Несмотря на то, что их правление сопровождалось соперничеством и постоянным стремлением к присоединению соседних территорий, каждому из правящих домов в той или иной степени удалось выстроить устойчивые экономические и политические системы и посредством архитектуры сформировать собственную узнаваемую визуальную среду.

К началу XIX века достаточно большое количество древних памятников X–XVII веков сохранилось только в Бухаре, в то же время строительство в Хиве и Коканде происходило буквально заново. Интересно, что при этом бухарская школа практически не ориентировалась на собственное наследие, особенно в ранний период формирования мангытской архитектуры. Из немногочисленных памятников конца XVIII — начала XIX веков лишь медресе Эрназар Элчи (1794–1795) в полной мере соответствует традиционной планировочной схеме, имеет внушительный масштаб и принадлежит к эмирскому заказу.

В Бухаре уже в начале XIX века доминирующую роль занял частный заказ. Это привело к подъему строительства квартальных медресе, которые возводились на деньги чиновников, купцов, а иногда и горожан – жителей кварталов махалля. Наиболее интересные примеры – два асимметричных медресе: Халифа Худойдод (1777) и Чор-Минар (1807). Их главной особенностью является наличие во внутреннем дворе отдельной небольшой мечети с открытым айваном; в более поздних бухарских постройках такое решение не встречается.

Строительство этих медресе совпало в Бухаре с ростом популярности квартальных мечетей с колонными Г-образными айванами. На сегодняшний день известно как минимум три памятника этого типа, построенных в первые десятилетия XIX века (мечеть Пойи Остона, Кемутхагарон, Ходжа Булгор), но

не исключено, что их было гораздо больше. Таким образом, можно сделать вывод, что в начале XIX века зодчие в Бухаре ориентировались не столько на «классическую» монументальную традицию, сколько на более народные формы культовой архитектуры, к которым относятся летние айванные мечети.

В то же время с ориентацией на бухарские образцы в Хиве строятся крупные «классические» медресе. Хивинское медресе Кутлуг Мурад-инак (1804–1812) было выдержано в лучших традициях парадной ханской хивинской архитектуры. В этом первом в Хиве двухэтажном медресе была выработана программа хорезмийского изразцового декора, совмещающая измельченный ковровый растительный орнамент на фасаде и более крупный ромбовидный на фонарях гульдаста, подчеркнутый сплошными зелеными изразцами на их куполках.

Стоит сказать, что в отличие от Бухары в Хиве в этот период не строится небольших квартальных и асимметричные медресе, а включение айванных мечетей в состав медресе не практиковалось в принципе. Конструкция открытого колонного айвана не получила популярности в Хорезме, примеры ее использования крайне малочисленны и никак не повлияли на архитектуру медресе (Летняя мечеть в Куня-Арке, 1820-е гг.; Ак-мечеть, 1838–1842; дворец Нуруллабая, 1893–1914).

В начавшем отстраиваться в это время Коканде также уделялось большое внимание строительству крупных медресе. В 1799 году было построено медресе Нарбута-бия, которое стало первым кокандским медресе; вслед за ним в 1802 году было возведено медресе Минг Оим, положившее начало городской площади Чарсу. Обе постройки хотя и были монументальны, но не отличались богатством внешнего убранства, а майоликовый декор фасада Нарбута-бия был добавлен уже в конце XX века.

Как и в Бухаре, в Ферганской долине в начале XIX века велось активное строительство мечетей с открытыми айванами (мечеть Хатун, Ташкент, 1754; мечеть Сари-Мазор, Ура-Тюбе; Джума мечеть, Коканд, 1815 и др.). Но если в Бухаре этот тип не получил большой популярности, то в кокандской

культовой архитектуре он занимал ведущее место на протяжении всего XIX века. Более того, включение отдельных айванных мечетей в планировку медресе стало в Коканде узнаваемой местной чертой (медресе Камол-Кази, Коканд, 1830–1832; Сохибзода-Хазрат, Коканд; Саид Ахмад-ходжа, Маргилан и др.).

Несмотря на то, что хронологически бухарские медресе с такой планировкой предшествуют кокандским, они были слишком маргинальными постройками, чтобы говорить об их влиянии на ферганскую школу. Скорее всего, это были параллельные и никак не зависящее друг от друга процессы сложения и развития местных типов медресе.

Необходимо сказать, что Ферганская долина была единственным регионом, где в 1790–1820 годах помимо медресе и мечетей строились и мавзолеи. Единую группу составляют мавзолеи Намангана, Оша, Маргилана и Ферганы (Ходжа-Амин-кабри; Асаф ибн Бурхия и Пир-Сиддик, ок. 1742 и Мавзолей на кладбище Яр-Мазар, соответственно). Точные датировки большинства из этих памятников неизвестны, они были отнесены к этому периоду в процессе исследования на основании стилистического и сравнительного анализов.

Все они имеют ряд схожих типологических черт. Основной объем представляет собой кубическое пространство, перекрытое куполом. Примечательно, что вход в компактный и небольшой мавзолей оформлен достаточно узким и вытянутым пештаком с зубцами кунгра, который фланкируют изящные башни гульдаста со световыми фонариками. Такой тип пештака впоследствии использовался во многих кокандских медресе и тот факт, что он был воспринят из мемориальной архитектуры Восточного Туркестана представляется достаточно важным.

Кроме того, именно в кокандской мемориальной архитектуре была впервые разработана местная система изразцового декора (мавзолей Мадар-и-хан, 1825; мавзолей Дахма-и-шахон, 1825). По сравнению с более ранними мавзолеями и медресе здесь сменилась сама эстетика внешнего убранства.

Сложные геометрические узоры, представляющие собой восьмиугольники с помещенными в них звездами и крестообразными формами (тимпан Дахма-и-Шахон), восьмиконечные звезды со ступенчатыми ромбами внутри, украшающие пештаки обоих построек, и диагонально расцвеченные ромбы и зигзаги схожи с орнаментами каракалпакских ковров. В декоре начинают использоваться изразцы желтого и оранжевого цветов – колористическое решение, широко распространенное в ковроткачестве, но не встречаемое до этого в среднеазиатском зодчестве.

В качестве общей для трех регионов тенденции в этот период можно назвать обращение к «классической» схеме крупного медресе и ее выбор в качестве отправной точки для формирования местного. Причем в центрах, строящихся «с нуля», крупным градообразующим медресе уделялось большее внимание, нежели в Бухаре, где городской ансамбль уже сложился, а главные медресе функционировали.

При этом уже в 1790-х – 1820-х годах в архитектуре локальных школ ярко проявляются местные особенности. В Бухаре – доминант частного заказа и как следствие развитие типа квартальных медресе со свободной планировкой; консервативность хивинской архитектуры и сложение хорезмийской системы декора; в Коканде – связь с народными формами творчества и мемориальной архитектурой Восточного Туркестана.

1830-е гг. – 1860-е гг.: развитие локальных традиций до российского завоевания

К 1830-м годам во всех трех ханствах наступает период максимальной стабильности. За предыдущие 30–40 лет восстанавливается экономика, власть приобретает авторитет, налаживаются внутренние и внешние контакты, а до следующего крупного политического потрясения в виде российского завоевания остается еще достаточно много времени. В этот период в трех столицах на престоле находились правители, сумевшие относительно долго удерживать власть в своих руках: Нарсулла-хан (1827–1860) в Бухаре, Аллакули-хан (1825–1842) в Хиве и Мадали-хан (1821–1842) в Коканде. Это

сказалось на увеличении количества возводимых построек, но их качество по-прежнему оставалось очень неоднородным. Также стоит сказать, что особый подъем строительства наблюдается ближе к 1850-м годам.

Примечательно, что в Бухаре практически не сохранилось построек этого времени, что может быть связано как с приостановкой строительства в принципе, так и с последующими разрушениями. Помимо трех небольших медресе (Иброхим Охунд, 1858–1859; Саид Камол-бий, 1864–1865; Хурджин 1864–1865) в процессе исследования удалось найти информацию о несохранившейся ныне мечети Кози Зохид Джуйбар, датируемой серединой – второй половиной XIX века.

Это была небольшая гузарная мечеть, ее внутреннее пространство представляло собой четырехкупольный зал с одной несущей колонной в центре. С портальной стороны к ней примыкал открытый с плоским перекрытием айван на четырех колоннах. Стены здания, построенного из жженого кирпича, прорезали стрельчатые окна, закрытые решетками панджара. Исходя из фотографии, сделанной в 1929 году Б. Н. Засыпкиным, невозможно определить были ли окна расположены с трех сторон или только с выходящей на улицу, откуда было сделано фото, также остается неизвестным был ли покрыт потолок летнего айвана росписями или нет.

Не только культовая, но и светская ханская архитектура, как самостоятельное явление, в Бухаре в этот период не развивалась. Цитаделью эмиров оставался Арк, представляющий собой один из самых древних бухарских памятников, данные археологических раскопок доказывают, что на этом месте крепость существовала уже в V–VI веках, а постоянно нарастающие культурные слои к XVIII веку образовали высокую платформу.

В конце XVIII — начале XX веков бухарские эмиры возводили новые постройки и дополняли старые, а сами стены неоднократно облекались футлярами новых кладок и облицовок [13, С. 363]. Г. А. Пугаченкова достаточно подробно описывает саму структуру бухарского Арка: отлогий пандус ведет к арочному своду, над которым высится высокий двухэтажный

объем с открытым колонным балконом для барабанщиков и трубачей; узкий крытый проезд, по обе стороны которого расположены каморки и подземные камеры для узников, выводит в подземный двор; окружающие его служебные строения отделены узкой улочкой от парадной части, где возвышался дворец эмиров; ядром служил коронационный двор, обведенный высокими колонными айванами, а в главном айване стоял каменный трон [13, с. 363]. При этом декоративное убранство и в принципе архитектурные особенности зданий ничем не примечательны с эстетической точки зрения, и общая ценность комплекса заключается скорее в его исторической древности. В более позднее время, уже после российского завоевания бухарскими эмирами было возведено несколько загородных резиденций, но они будут рассмотрены далее, в разделе, посвященном «колониальной» архитектуре.

В противоположность Бухаре, где с конца 1820-х до 1860-х годов практически ничего не было построено, в Хиве в это время происходило активное сложение городского ансамбля. Строится два крупных ханских медресе – Аллакули-хана (1834–1835) и Мухаммад Амин-хана (1851–1855). Это симметричные в плане двухэтажные медресе из жженого кирпича с замкнутым внутренним двором, окруженным худжрами. Их фасады прорезаны стрельчатыми глубокими нишами-лоджиями и фланкированы башнями гульдаста.

В системе декора явственно проявляются местные черты, окончательно сложившиеся к этому времени. Предпочтение отдавалось измельченному изразцовому декору. Пештаки и пространство над нишами худжр покрывались бело-синей майоликой с использованием вьющихся растительных мотивов. Также нередко пештаки украшались гирихом со «звездами». Для оформления башен гульдаста использовался геометрический орнамент: купольные завершения покрывались сплошной зеленой майоликой, а под ними помещался пояс бело-зеленого ромбовидного орнамента. Такая программа декора характерна для всех ханских построек в Хиве, в том числе более позднего колониального периода.

Наряду с ханскими в Хиве возводились и медресе «второго ряда»: медресе Араб Мухаммад-хана (1838), Ходжа Марам (1839), Муса Тура (1841) и Абдулла-хана (1855). Всем им присущи небольшой размер; апелляция к «классической» планировочной схеме, которая вместе с тем могла упрощаться и трактоваться более свободно; практически полное отсутствие декора и принадлежность к частному заказу.

Немногочисленные хивинские мечети этого времени не отличаются оригинальностью планировки и богатством внешнего убранства. Гузарная Ак-мечеть (1838–1842) представляет собой небольшой прямоугольный объем на невысокой платформе, перекрытый повышенным куполом и окруженный с трех сторон открытым колонным айваном. Стены мечети покрыты белой штукатуркой и прорезаны небольшими окнами с решетками панджара, по одному с каждой стороны. Тонкие колонны айвана в большинстве своем лишены резьбы, лишь у некоторых из них имеются сталактитовые «капители», плоский потолок со сводом «балхи» также не имеет какого-либо декора.

Гораздо крупнее Ак-мечети (25,5 х 13,5 м.) [9, с. 150] мечеть Саид Нияз Шаликарбай, построенная в Дишан-Кале в 1830-х – 1840-х годах и входящая в одноименный комплекс. В комплекс, возведенный на деньги местного купца, помимо зимней девятикупольной мечети входят высокий четырехколонный айван, расположенный на заднем дворе, двухэтажное медресе и высокий минарет. Несмотря на то, что мечеть имеет статус «джума», то есть пятничная, а весь комплекс обладает внушительным масштабом, внешнее убранство построек достаточно скромное. За исключением деревянных колонн айвана здание полностью выполнено из жженого кирпича. Его портал выделен невысоким пештаком, украшенным разреженными вкраплениями изразцов «бантиков». Главный фасад прорезан неглубокими стрельчатыми нишами и имеет разную этажность: один этаж мечети с северо-западной стороны и два этажа медресе с северо-восточной.

Расширяя контекст ханских хивинских построек, необходимо сказать о дворцовом строительстве. Резиденцией ханов оставалась крепость Куня Арк,

основанная еще в 1686–1688 годах, и отреставрированная в начале XIX века. Хивинская цитадель в общем схожа с бухарской. Она имеет традиционную для Центральной Азии сложную многодворовую композицию с множеством помещений и окружена высокой крепостной стеной с зубцами. Главным отличием хивинской крепости является богатый изразцовый декор зала приемов и мечети, которые покрывали сплошные сине-белые майоликовые плиты с тонким растительным орнаментом.

В 1830-е годы за счет расширения государственной и международной торговли укрепляется экономика Хивинского ханства и у восточных ворот Палван-дарваза образуется новый городской центр [9, с. 92]. Его формируют сразу несколько построек Аллакули-хана – караван-сарай (1823–1833), тим (торговые ряды) (1833) и дворец Таш-Хаули (1830–1838). Подробнее рассмотрим только дворец.

Как и все центральноазиатские дворцы он имеет несколько функциональных зон: гарем, зал приемов и судилище. Помещения располагаются вокруг трех небольших замкнутых дворов и соединяются между собой сложной системой коридоров. Необходимость вписать в дворец в плотную городскую застройку обусловила форму его плана и специфику фасадов. В плане здание представляет неправильную трапецию; западного фасада, строго говоря, нет, это три угловых выступа, обходивших городскую застройку; остальные фасады следуют направлениям узких улочек города [9, с. 93].

Наиболее интересным является то, что определенная «вернакулярность» планировки и отсутствие репрезентативного парадного фасада сочетается здесь с исключительным богатством внешнего убранства. Все открытые айваны и стены внутренних дворов покрыты сплошным «ковром» майоликовых плит с растительными орнаментами и гирихом.

Таким образом, в этот период в Хиве достаточно четко высвечивается граница между «ханской» линией архитектуры, в которой была выработана и утверждена местная программа изразцового декора, и «частной», памятники,

принадлежащие которой чаще были скромнее, но многочисленнее. Аналогичное деление можно применить и к кокандской архитектуре.

Подобно хивинскому, зодчество в Ферганской долине в 1830-х – 1860-х годах переживало период расцвета. Были построены крупные медресе Мадали-хана (Коканд, сер. XIX в.), Рустамбека (Истаравшан, 1850-е гг.) и Хаким Оим (Коканд, 1869). Одно- и двухэтажные симметричные однодворовые медресе строго придерживались «бухарской» планировочной схемы, но в их внешнем убранстве чувствуется местная специфика. На примере медресе Мадали-хана четко прослеживается изменение формы гульдаста, вместо бухарских массивных башен с плоскими завершениями, предпочтение в Фергане отдается более утонченным пропорциям, гульдаста венчаются световыми фонарями со слегка приплюснутыми, часто реберчатыми куполками.

Фасад медресе Мадали-хана прорезан глубокими нишами-лоджиями, а его высокий пештак украшают неглубокие стрельчатые нишки, подчеркивающие его П-образный абрис. Подобным образом ранее были декорированы пештаки вышеописанных ферганских мавзолеев, а также порталы медресе Нарбута-бия и Минг Оим.

Несохранившееся медресе Рустамбека является важным примером ферганской программы изразцового декора. Его пештак полностью покрыт майоликой с достаточно крупным ромбовидным орнаментом. «Ковровость» и предпочтение геометрическим формам стали отличительными чертами кокандской программы декора, свойственной и другим памятникам эпохи (медресе Камол-кази, дворец Худояр-хана). Поскольку медресе не сохранилось и известно лишь по архивным фотографиям, установить цветовое решение декора пока не представляется возможным.

В 1830-х – кон. 1860-х годах «бухарский» тип медресе превалировал над местными, которые только начинали складываться. Известно только два примера – медресе с симметричным ферганским фасадом Камол-кази (1830–1832) и асимметричное медресе Сохибзода-Хазрат (1861). В силу

малочисленности выборки выделить какие-либо общие закономерности на ее примере затруднительно, но именно эти здания являются маркерами нового этапа кокандской архитектуры медресе, который связан с отходом от подражания и заимствования и создания собственных планировочных схем и программы декора.

Необходимо сказать о двух обнаруженных в ходе исследования ферганских мечетях: Зимбрадор (Коканд, 1827) и Ходжа Порсо (Маргилан, 1869). Их описания не встречаются в исследовательской литературе, также не удалось найти архивных фотографий. Сопоставляя эти факты с выглядящим очень поновленным обликом зданий, невозможно точно определить были ли мечети отреставрированы с сохранением первоначального замысла или нет.

Мечеть Зимбрадор вполне можно отнести к столичным памятникам «второго ряда». Дворовая мечеть полностью выполнена гладкой кирпичной кладкой без использования декоративных элементов. Пештак главного портала также лишен украшений, как изразцовых, так и исполненных в технике фигурной кладки. Его фланкируют две узкие высокие башни гульдаста, завершающиеся открытыми фонариками. Эта форма активно применялась в мавзолеях середины XVIII – 1-й пол. XIX веков и получила развитие в медресе Камол-кази.

Слева от мечети, практически вплотную расположен невысокий минарет с открытым фонарем-ротондой. Минарет имеет несколько изразцовых поясов из плитки охристого цвета, пояс синей майолики отмечает основание фонаря, чей купол покрыт бирюзовыми изразцами. Не исключено, что цветной декор минарета был добавлен позже, о чем говорит его простота, общий образ мечети и распространенность практики добавления декора в процессе последующих реставраций.

Мечеть Ходжа-Порсо, выполненная из кирпича, также относится к типу дворовых и имеет ассиметричную планировку. Маньеристичная форма минарета и металлическое покрытие купола свидетельствуют о поздней перестройке. Фасад мечети прорезан неглубокими стрельчатыми нишами,

портал оформлен невысоким пештаком, П-образный силуэт пештака подчеркивают зеленые изразцы, таким же образом декорировано основание здания. Мечеть была сильно поновлена, но, возможно, композиционно-планировочное решение осталось оригинальным, что подтверждают его простота и лаконичность – дворовая мечеть с зимним залом, перекрытым куполом и «встроенным» в тело мечети минаретом, внутренний двор мечети, по всей видимости, в соответствии с ферганской традицией был окружен открытой галереей-айваном.

В качестве примера дворцовой кокандской архитектуры необходимо рассмотреть дворец Худояр-хана (Коканд, 1863–1871), от которого на сегодняшний день сохранилась только входная группа помещений, где теперь располагается музей. Особое внимание нужно уделить его декору, в котором наиболее ярко проявилась «ханская» линия ферганского монументально-декоративного искусства.

Примечательно, что дворец Худояр-хана является единственной резиденцией правителя в Коканде. И. М. Азимов предполагает, что это связано со спецификой перехода власти внутри дома Мингов, который часто был насильственным, соответственно, каждый новый правитель возводил собственный дворец, разрушая резиденцию предшественника, к тому же такой метод позволял несколько раз использовать жженый кирпич без лишних затрат на строительные материалы [3, с. 164]. Таким образом, к 1860-м годам местными мастерами уже был накоплен некоторый опыт дворцового строительства, что объясняет непохожесть постройки на другие центральноазиатские резиденции и ее высокое качество.

Дворцовый комплекс имел традиционную для восточных дворцов многодворовую композицию, окруженную крепостной стеной с воротами. Главным отличием дворца от Бухарских и Хивинских резиденций является прямоугольная форма плана и строго симметричная организация внутренних помещений и дворов.

Парадный фасад дворца сильно вытянут по горизонтали, его ритм задают неглубокие стрельчатые арки-ниши, по бокам он фланкирован двумя невысокими башнями гульдаста со световыми фонарями. Главный портал выделен пештаком, оформленным башнями с декоративными фонариками, вторящими башням фасада. Привычная симметрия композиции здесь нарушается разным размером и количеством ниш по сторонам от портала, кроме того, одна из угловых башен граненая, в то время как другие имеют круглое основание.

Восточный фасад полностью покрыт измельченным изразцовым декором, что не только придает ему нарядность, но и лишает его монументальности. Многоцветие геометрического орнамента сочетается с куфическими надписями, расположенными в верхней части стены. Для оформления фасада использованы изразцы синего, бирюзового, желтого, оранжевого и белого цветов. Главным развивающимся мотивом является ромб, при этом орнамент ни в одной из ниш не повторяется. В тимпанах над стрельчатыми арками используются звездчатый, сотовый и растительный орнаменты. Необходимо отметить, что несмотря на богатство декоративного убранства парадного фасада и залов, личные и административные помещения были украшены очень скромно или не украшены вообще, что свидетельствует о стремлении создать внешний образ величия при недостатке реальных средств на это.

Конец 1860-х гг. – начало XX в.: культовая архитектура колониального периода

В 1860-х годах в истории Средней Азии происходит важное событие – российское завоевание и включение Центральной Азии в состав Российской империи, которое сопровождалось кардинальными изменениями административного устройства и политического управления. От Бухарского эмирата и Хивинского ханства были отторгнуты значительные территории, а их правители признали протекторат империи. Сохранив свою

государственность, политический и экономический строй, эти два центральноазиатских государства были включены в сферу влияния России и фактически находились на положении особых административных единиц Империи [16, с. 29]. Наиболее же политически нестабильное Кокандское ханство по договору 1876 года было полностью ликвидировано и присоединено к России в качестве Ферганской области. Важнейшие населенные пункты ханства были оккупированы русскими; туркестанские власти захватили в плен основных руководителей газавата (священной войны), часть из которых была казнена [16, с. 77]. Логично было бы предположить, что эти события не могли не найти отражения в архитектуре, тем не менее факты показывают почти обратное.

Чтобы лучше понять архитектурные процессы колониального периода, необходимо оговорить главные черты культурной политики империи в Туркестане. Во-первых, важным является факт, что было запрещено православное миссионерство, и в вопросы религии колониальные власти старались не вмешиваться, опасаясь антирусских настроений не только на присоединенных территориях, но и со стороны всего мусульманского мира. Во-вторых, главным способом создания единого и стабильного многонационального государства царское правительство видело развитие прочной идеологической базы, стержнем которой должна была стать русифицированная система народного образования [16, с. 172].

В рамках проведения политики русификации были организованы русские и русско-туземные школы для местного населения, а также открыты курсы по изучению русского языка для взрослого населения. Тем не менее, неэффективность методов преподавания, постоянная смена их методик, разногласие внутри правящей верхушки в отношении методов внедрения русской культуры, которые накладывались на особую специфику, региона не только не привели к ожидаемым результатам, но и вызвали обратные. Так, коренное население не видело в новых учебных заведениях никакой конкретной пользы, а популярность традиционных мектебов (школа

начального религиозного обучения) и медресе только росла [16, с. 173]. Более того, на фоне колонизации в регионе начался активный процесс формирования национальных культур и идентичностей, нашедшей отражение в культовой архитектуре.

Центральная Азия в XIX веке уже не относилась к передовым странам мусульманского мира, тем не менее Бухара и после принятия российского протектората привлекала к себе студентов не только из соседних городов, но и из мусульманских районов европейской России [16, с. 159]. В конце XIX – начале XX веков здесь наблюдается особый подъем в строительстве медресе, в ходе исследования было обнаружено 7 памятников, относящихся к этому периоду (медресе Рашид, 1870-е гг.; Хусайни, 1884–1885; Туркман, 1905; Туракул-бой, 1907–1910 и др.). Необходимо сказать, что для позднего периода бухарской архитектуры характерен не только рост количества памятников, но и их качества. При этом главенствующее место в Бухаре, как и в прошлые периоды, занимал частный заказ.

В бухарских медресе колониального времени явственно проявилась тенденция к возвращению к «классической» схеме. К числу симметричных однодворовых отдельностоящих медресе относятся медресе Рашид (1870-е гг.) и Ходжа Курбон (1906–1907). Те же пространственно-планировочные решения, но с небольшими изменениями использовались в небольших квартальных медресе: Хусайни (1884–1885) и Ходжа Мулло Мир Бако (1905). В их состав входят основные функциональные помещения (дарсхана, мечеть, худжры), портал выделен симметрично расположенным повышенным пештаком, а двор имеет форму прямоугольника со срезанными углами. Главной отличительной особенностью этих памятников является встроенность в жилую застройку, соответственно, в них отсутствуют гульдаста, а градообразующая функция зданий практически сходит на нет. Здания имеют строгий облик, гладкая кирпичная кладка нарушается только углублениями стрельчатых ниш, исключение представляет пештак медресе Хусайни, украшенный резной терракотой.

Учитывая опыт бухарской архитектуры первой половины XIX века, с ее приверженностью к ассиметричным планировкам и отсутствием единого «канона», эту линию поздней бухарской архитектуры можно назвать «историзирующей». Отход от традиционализма, подъем интереса и рефлексия по отношению к собственным образцам XVI века (медресе Мири-Араб, 1535–1536; Кукельташ, 1568–1569 и др.) стали ответом на внедрение европейской культуры, ранее неизвестной в Средней Азии, и попыткой культивировать и утвердить собственную традицию.

Имеет смысл оговорить тот факт, что несмотря на подъем строительства, качество бухарских построек оставалось очень неоднородным. Наряду с такими памятниками, как медресе Рашид, Туркман и Амира Алим-хана, существовали достаточно посредственные по исполнению постройки, как медресе Салимбек (кон. XIX в.).

Некоторый консерватизм, стремление к симметрии и ясности пространственно-планировочных решений также проявились в облике бухарских квартальных мечетей. Построенные в конце XIX – начале XX веков мечети Ойбинок (1894), Кокилайи Калон и Олим Ходжа практически идентичны. Они представляют собой кубический объем, перекрытый одним куполом и окруженный Г-образным открытым колонным айваном, только в мечети Кокилайи Калон айван находится с одной, портальной стороны.

У колонн айванов отсутствовали резные капители, а потолки «балха» не были покрыты росписями. Стены мечетей были оштукатурены и прорезаны окнами, обрамленными стрельчатыми нишами. Эта композиционно-планировочная схема была традиционной для квартальных мечетей Бухары и встречается во многих более ранних постройках (мечеть Баланд, 1-я пол. XVI в.; Дустум Оргоси, кон. XVI в.; Куйи Хонако, XVII в. и др.).

Такое использование в поздний период и в медресе, и в мечетях «архетипических» планировочных решений говорит не только об их устойчивости, но и в принципе о стремлении к сохранению собственной

традиции, которая во многом оставалась статичной до первых десятилетий XX века.

Количество возводимых в Хиве медресе после русского завоевания также увеличилось. Именно они создают основной корпус поздних памятников, с 1873 года в городе было построено 13 медресе, причем всего за период с конца XVIII до начала XX века было построено 25 медресе. В них продолжили свое развитие тенденции, заложенные в первой половине – середине XIX века.

Постройки можно четко разделить на крупные и богато украшенные «ханские» (медресе Матнияза Диван-беги, 1871–1873; Мухаммад Рахим-хана II, 1871–1873; комплекс Ислам Ходжа, 1908–1910) и небольшие квартальные медресе, которые могли, как развивать «классическую» продольно осевую планировочную схему, так и быть асимметричными (Дост Аляма, 1882; Атажанбая, 1884; Шергази-хана, 1905; Палван Кари, 1905 и др.).

При этом ни в их планировке (за исключением асимметричных), ни в системе декора не наблюдается значительных изменений относительно более ранних памятников. Предпочтение по-прежнему отдается однодворовым симметричным замкнутым медресе: по бокам от входной группы располагаются купольные помещения дарсханы и мечети, двор имеет форму прямоугольника со срезанными углами и окружен худжрами. Во внешнем убранстве построек сохраняется хивинская традиция покрывать пештаки и фасады парадных медресе измельченным ковровым бело-синим растительным вьющимся орнаментом, а куполки фланкирующих фасад гульдаста более крупным геометрическим. При этом, как в больших, так и в средних медресе очень часто используется хорезмийская кладка с зелеными «бантиками».

Хивинских мечетей этого времени в процессе исследования найти не удалось, вероятно, их строительство прекратилось, или существующие примеры были разрушены и не известны на сегодняшний день.

Наконец, необходимо обозначить некоторые ключевые особенности поздней кокандской архитектуры, которая обладала собственным своеобразием. В отличие от Бухарского эмирата и Хивинского ханства,

которые, хоть и во многом формально, сохранили автономию, территория Кокандского ханства была полностью колонизована. Интересно, что это не вызвало спад строительства, которое в общем продолжало развиваться «собственным путем».

Единственным крупным комплексом 1870-х годов является медресе Джами в Андижане (1874–1877). Это двухэтажное медресе с симметричным фасадом, соединяющее в себе главные особенности ферганской архитектуры: ритм фасада во втором ярусе задают стрельчатые ниши худжр, П-образный абрис каждой худжры подчеркнут лентой изразцового орнамента с ромбами; вход оформлен пештаком, прорезанным неглубокими стрельчатыми нишами по бокам, а наверху – аркадой стрельчатых окон закрытых панджара; его углы фланкируют две узкие башни с декоративными вытянутыми фонарями.

Хотя в комплексе Джами еще в полной мере продолжается линия «ханской» монументальной архитектуры, общей тенденцией последних десятилетий XIX века стало снижение масштаба памятников. В первую очередь, это было связано со сменой источника финансирования, теперь культовое строительство велось на деньги религиозной элиты и горожан.

Второй особенностью ферганской колониальной культовой архитектуры стало смещение фокуса внимания на мечети, в то время как медресе практически не строились (Туракурган, Медресе Гоиб Назар, 1890–1893; Маргилан, Медресе Саид Ахмад-ходжа, кон. XIX в.). Можно предположить, что это стало последствием активного насаждения в регионе нового «европейского» образования, которое в колониях происходило более агрессивно, нежели в протекторатах.

Особую популярность приобретают небольшие айванные мечети, к ним относятся: мечеть в парке в Чусте (кон. XIX в.), мечеть в комплексе Хазрати Шох (Истаравшан, 1890-е гг.), мечеть Ходжа-Ильгар (Риштан, кон. XIX в.), Чор-Гумбаз (Истаравшан, 1903), Хавз-и-Сангин (Истаравшан, 1904–1910) и мечеть Гиштлик (Коканд, 1913). Каждая из построек обладает собственным

своеобразием, тем не менее здесь ограничимся перечислением главных объединяющих и наиболее характерных для региона черт.

Небольшие по размерам они представляют собой кубические или прямоугольные в плане объемы, перекрытые куполами (одним или более, как в случае с Чор-Гумбаз, имеющей четырехкупольную систему) и окруженные открытыми колонными айванами, форма айванов также могла варьироваться, но самой распространенной были Г-образные.

Наиболее примечательным представляется декор айванов: резные капители тонких колонн и яркие, цветные росписи потолков. Чаще всего использовались измельченные растительные орнаменты с вьющимися «побегами», оплетающими иногда целые букеты цветов, реже балки покрывались цветными полосами. Колористическая гамма, используемая мастерами, также была очень разнообразна – при явном доминировании зеленого в росписи включались красный, охристый, голубой и темно-синий цвета. Стоит отметить, что активное применение в архитектуре росписей с использованием растительных орнаментов, имеющих сугубо местный характер и схожих с народными вышивками и тканями, совпало с подъемом в Ферганской долине производства текстиля в XIX веке.

Таким образом, кокандская культовая архитектура в конце девятнадцатого столетия все больше ориентируется на формы «народного», что проявилось не только в популярности типа летней айванной мечети, чья форма была заимствована из жилой архитектуры, но и к обращению к локальным ремеслам: вышивке и ковроткачеству, откуда перенимались орнаментальные мотивы, применяемые в архитектуре. Это сильно отличает ферганскую традицию от бухарской и хивинской, где в позднее время в большей степени стремились к повторению собственной «классической», древней традиции, которая в Коканде отсутствовала.

К дворцовым постройкам колониального периода является дворец в Асаке в окрестностях Андижана, возведенный в середине – конце 1870-х годов. Он принадлежал Насреддину – старшему сыну Худояр-хана и беку

Андижанского вилайета. Здание не сохранилось до нашего времени, его облик можно восстановить благодаря фотографиям Туркестанского альбома. Оно имело традиционную многодворовую композицию, но сам характер архитектуры кардинально изменился. Все постройки были лишены монументальности – часто это ассиметричные, облегченные конструкции с большим количеством открытых пространств, колонных айванов и террас. Так, по своей форме дворец Насреддина гораздо ближе жилой архитектуре, нежели дворцовой. При этом, в здании активно использовалась форма полуциркульной арки и двускатная крыша, что явно является заимствованием из новой европейской культуры.

Вопрос развития культовой архитектуры на колонизованных территориях требует более подробного, отдельно исследования. Здесь лишь отметим, что активное строительство на территории бывшего Кокандского ханства является достаточно уникальным явлением. Так, в Самарканде, который по русско-бухарскому договору 1868 года стал частью Туркестанского генерал-губернаторства, культовое строительство не велось. Возможно, это было связано с оттоком местного населения, которое активно переселялось на территории Бухарского эмирата. Хотя полностью доказать это на сегодняшний день невозможно, так как и самаркандская архитектура начала века представлена очень незначительным числом памятников и недостаточно изучена.

Колониальная архитектура 1910-х годов

Наиболее поздние колониальные памятники 1910-х годов представляют собой отдельную группу и демонстрируют особое своеобразие. Это время было ознаменовано серьезными революционными потрясениями и внутренней нестабильностью, вызванной несовершенством административной системы, которые колониальные власти надеялись пресечь путем насильственной и ускоренной русификации и усиления штатов полиции [16, с. 126]. В свою очередь местное население реагировало на это попыткой сохранить традиционный уклад жизни, устоявшиеся порядки и обычаи, а

правители протекторатов напротив были заинтересованы в поддержании дипломатических отношений с царской властью с целью сохранения собственного статуса.

Особо выделялось положение эмира Бухары, владевшего дачей на Южном берегу Крыма, располагавшего значительными вкладами в российских и заграничных банках и получившего от русского императора титул «Ваше Высочество» [16, с. 306]. Такая включенность в систему имперского государства и п в принципе связь с европейской культурой отразились в светской дворцовой архитектуре.

Примером эклектичного сочетания западного и восточного в поздней бухарской архитектуре является бухарский загородный дворец Ситораи-Мохи-Хосса (1912–1918). Он представляет собой комплекс зданий: старый дворец, возведенный бухарскими мастерами во главе с усто Ходжа-Хафизом, изучавшим архитектуру в Петербурге и Ялте, и новый дворец с аркой ворот, оранжереей, гаремом, галереей и главным корпусом, в его сооружении участвовали Ширин Мурадов и Абдурахим Хаятов вместе с русскими архитекторами Саковичем и Маргулисом [13, с. 372].

Новый летний дворец представляет собой П-образную в плане постройку, окружающую внутренний двор с фонтаном. Фасады покрыты белой штукатуркой и украшены лепниной с европеизирующими виньетками. Внешний западный фасад, выходящий на хауз (пруд), имеет двухэтажную галерею со стрельчатыми арками: более крупными в первом этаже и уменьшенными во втором. Внутренние фасады прорезаны крупными фигурными окнами, оформленными ордерными наличниками с фронтонами. В форме летнего колонного айвана зала приемов также присутствует включение европейских элементов – вместо традиционного прямого карниза он имеет «волнообразный» силуэт, образованный четырьмя повышенными полуциркульными арками. Не менее интересны интерьеры дворца: его стены покрывают расписные и резные ганчевые панели, в которых сочетается

традиционный орнамент гирих, растительные мотивы и изображения ваз с цветами.

Степень богатства и удельный вес хивинских правителей были значительно более скромными, к тому же ханы Хивы лишь при поддержке царской администрации и русских войск с трудом могли сдерживать своих неспокойных туркменских подданных [16, с. 126]. Тем не менее, в хивинском дворце Нуруллабая (1906–1912) проявились те же стремления к активной апроприации европейского, что и в бухарском памятнике.

Строительство хивинского дворца было начато по приказу Мухаммад Рахим-хана II для своего сына и преемника Асфандияр-хана (1910–1918), которым и было завершено строительство. Дворец имеет четырехдворовую структуру и представляет собой комплекс разновременных построек: дворец с садом, жилые помещения, аудиенц-зал, судилище и служебные строения. Комплекс окружает массивная «крепостная» стена с контрфорсами и зубцами.

Наибольший интерес представляет синтез элементов традиционной и европейской архитектуры. Необходимо сказать, что над строительством дворца работали не только местные мастера – каменщик Курьяз Бабаджанов, резчики по ганчу Худайберген Ходжи, Нурмат и Рузмат Машариповы и художник рисунков изразцов Садыкходжа Маткаримов, но и немецкие колонисты из окрестностей Хивы, занимающиеся отделкой потолков, рам, паркетов и разрабатывающие некоторые рисунки для изразцов, в то время как сами изразцы изготавливались в Петербурге на Императорском фарфоровом заводе [13, с. 411].

Рассмотрим лишь здание зала приемов, где в большей степени проявилось сочетание традиционных приемов и элементов европейского модерна. Это прямоугольная в плане постройка из гладкого кирпича, с портальной стороны к ней пристроена галерея-айван, поддерживаемая тонкими колоннами, а по бокам фланкированная подобием пештаков с башнями гульдаста. Гульдаста и карниз декорированы в хорезмийском стиле поясами бело-голубых изразцов с геометрическим орнаментом, развивающим

мотивы ромба и зигзага. В общем-то на этом заканчивается включение традиционных элементов: большие окна здания имеют прямоугольную форму и застеклены европейскими рамами, а условные пештаки галереи прорезают не стрельчатые, а полуциркульные арки. Еще менее традиционными выглядят интерьеры: полы были покрыты паркетом, потолки, расписанные цветочными мотивами, также были декорированы лепниной, а стены были отделаны панелями резного ганча с масляной подцветкой и позолотой. Более того, в залах были установлены печи-камины и хрустальные люстры. Все это многообразие декора, причем с явным превалированием «европейского» создает ощущение удивительной нарядности и богатства, но явно имеет ориенталистский, «колониальный» характер.

Желание хивинских и бухарских ханов в первые десятилетия XX века максимально адаптировать в дворцовой архитектуре европейские элементы вполне можно назвать «обратным ориентализмом».

Культовое строительство в 1910-х годах в Бухаре и Хиве прекращается, что, скорее всего было вызвано неспокойными настроениями в обществе, вызванными иранской революцией 1905–1911 годов, вступлением Российской империи в Первую мировую войну, усилением давления на местное население колониальных властей и ростом в обществе панисламистских настроений.

Совершенно иной тип реакции на сложившуюся политическую ситуацию демонстрирует архитектура Ферганской долины. В ситуации полной ликвидации ханской власти и колонизации естественным образом прервалось и дворцовое строительство, которое в наибольшей мере было подвержено европейским влияниям. Вторым важным аспектом была историческая неспокойность и даже некоторая неподконтрольность региона, связанная с большим количеством кочевого населения, и вызванная этим осторожность царской власти в его отношении. Эти факторы обусловили появление совершенно особой архитектурной линии в 1910-х годах.

Вернакулярность, привнесение в архитектуру народного и вместе с тем сознательное цитирование и использование «историзирующих» элементов

присутствуют в кокандских медресе Мулло-Киргиз (Наманган, 1907–1912) и Ота Кузи (Патхаабад, 1904–1912). В том, как асимметрично скомпонованы объемы зданий; в оформлении фасадов, где достаточно бессистемно и атектонично совмещаются гладкая кирпичная кладка, резная терракота, фигурная кладка и изразцы; в ярких и разнообразных росписях потолка зала мечети в Ота Кузи чувствуются некоторая маньеристичность и даже барочность. Уходя от классической строгой и симметричной формы, мастера проявляют высокую степень творческой энергии и оригинальность. Отсутствие канонизированной схемы и свобода, все более проявлявшиеся в ферганских постройках с конца XIX века, привносят в позднюю архитектуру удивительное разнообразие, где индивидуальность решений превалирует над предшествующей традиционность, каноничностью и повторением образца.

Около 1915 года в Намангане была построена мечеть Ота-Валихон-тура, которая является единственным в Ферганской долине примером мечети, перекрытой куполом на барабане. Массивный реберчатый купол в сочетании с лаконичными и строгими фасадами без декора придает облику мечети масштабность и тяжеловесность, усиливаемую сознательной геометричностью и даже рубленостью форм. Во внутреннем убранстве мечети также чувствуется строгость, подчеркнутая точечными включениями изразцового декора. Он покрывает стрельчатый абрис ниши михраба и круглые столбы, поддерживающие аркаду. Столбы аркады декорированы широкими поясами ромбовидного и зигзагообразного орнамента синей и голубой майолики.

Достаточно сложные формы трех последних ферганских памятников и их композиция демонстрируют совершенно новый подход к архитектуре, подразумевающий сознательное обращение к выборочным элементам более ранней монументальной и народной архитектуры. Здесь происходит переход от традиционализма и непрерывного повторения канона к свободному обращению с формой, рефлексии над собственной традицией и сознательному подражанию ей. К сожалению, эта линия не получила последующего развития

в силу сложившихся исторических обстоятельств, но она заложила основы совершенно иного подхода к культовой архитектуре, нежели во все предыдущие эпохи.

За промежуток времени равный чуть более чем столетию в главных центрах трех образовавшихся государств: Бухаре, Хиве и Коканде было построено огромное количество культовых построек, придавших городам их сегодняшний облик.

Настоящее исследование опровергает распространенное мнение об «упадке» строительства в Средней Азии в девятнадцатом столетии, снижении его качества и прерывании многовековой традиции строительства. К позднему периоду относится не только огромная часть архитектурного наследия, но и многие выдающиеся сооружения. Особенно ярко это прослеживается на примере Хивы и Коканда, строительство которых пришлось именно на конец XVIII – начало XX веков, и в меньшей степени на примере Бухары.

На базе обширного материала была изучена и сопоставлена архитектура позднего доколониального и колониального периодов. Это позволило сделать важный вывод о несменяемости культовой архитектурной парадигмы на фоне европейского завоевания и выделить три типа реакции местной архитектуры на колониальное вмешательство. Кроме того, благодаря сравнению культовых и светских построек 1910-х годов была показана кардинальная разница в их обращении с архитектурной формой, заключающаяся в «обратном ориентализме» в дворцовой архитектуре на фоне тенденции к консерватизму в культовой.

Архитектура Средней Азии XIX века представляет собой уникальное явление, а сформировавшиеся в этот период локальные школы обладают удивительным своеобразием. Сочетание множественных внешних влияний, культурного обмена внутри региона и наличие богатого наследия прошлого, перерабатываемого в поздний период, привели к появлению в каждом ханстве

особой программы пространственно-композиционных и декоративных решений.

Литература

1. Абраров С. А. История Узбекистана: учеб. Пособие. Часть 1. / С. А. Абрабов : Ташкент, 2007. – 148 с.
2. Азимов И. М. Архитектурные памятники Ферганской долины / И. М. Азимов. Ташкент : Узбекистан, 1982. – 72 с.
3. Азимов И.М. Архитектура Узбекистана XVIII –нач. XX вв.: Традиции и локальные особенности : Дис. … д-ра архитектуры : 18.00.01 / Азимов Искандар Мухтарович. – Ташкент, 1999. – 343 с. : ил.
4. Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия / Б.М. Бабаджанов. – Институт востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, 2010. – 774 с.
5. Веймарн Б. В Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана / Б. В. Веймарн. – М. : изд-во и тип. Гос. архитектурного изд-ва, 1948. – 62 с.
6. Веймарн, Б. В. Классическое искусство стран ислама: – М.: Искусство, 2002. – 494 с.
7. Искусство зодчих Узбекистана : сб. статей / Акад. наук УзССР. Ин-т искусствознания ; отв. Ред. д-р искусствоведения Г. А. Пугаченкова. – Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1962–1969. – 4 т.
8. Мамадназаров М. Памятники зодчества Таджикистана / Мунавар Мамадназаров. – М. : Прогресс-Традиция, 2015. – 493 с.
9. Маньковская Л. Ю. Памятники зодчества Хорезма / Л.Ю. Маньковская, В.А. Булатова. – Ташкент : Изд-во лит. и искусства, – 1978 – 198 с. : ил.
10. Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX - нач. XX в.) / Л. Ю. Маньковская; отв. Ред. Г. А. Пугаченкова. – Ташкент : Фан, 1980. – 183 с.
11. Очерки по истории государственности Узбекистана / Ин-т истории АН Республики Узбекистан; отв. ред. Д.А. Алимова, Э.В. Ртвеладзе. – Ташкент: Шарк, 2001. – 208 с.

12. Пугаченкова Г. А. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века / Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель ; Ин-т искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи М-ва культуры УзССР. – М. : Искусство, 1965. – 688 с.
13. Пугаченкова Г.А. Средняя Азия : справочник-путеводитель / авт. текста и сост. альбома Г. А. Пугаченкова. - Москва : Искусство, 1983. - XLII, 427 с.
14. Сухоруков С.А. Архитектура стран ислама: традиции и новации / С.А. Сухоруков. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. – 134 с.
15. Узбеки / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории АН Республики Узбекистан; отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимова. – М. : Наука, 2011. – 688 с.
16. Центральная Азия в составе российской империи / С.Н. Абашин, Д.Ю Арапов, Н.Е. Бекмаханова и др. ; отв. Ред. С.Н. Абашин. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 451 с.
17. Ferghana Valley : The heart of Central Asia / Frederick S. Starr, Baktybek Beshimov, Inomjon I. Bobokulov, Pulat Shozimov., 2014. – 512 p.
18. Levi S. C. The Rise and Fall of Khoqand, 1709-1876: Central Asia in the Global Age. / Levi S. C. – University of Pittsburgh Press, 2017. – 289 p.
19. Olufsen O. The Emir of Bokhara and His Country: Journeys and Studies in Bokhara (with a Chapter on My Voyage on the Amu Darya to Khiva) / O. Olufsen. – London : Heinemann, 1911. – IX, 599 p.
20. Wilde A. The Emirate of Bukhara / A. Wilde // Oxford Research Encyclopedia of Asian History. London : Oxford, 2017. – 21 p.

References

1. Abrarov S. A. A. History of Uzbekistan: textbook. Part 1. / S. A. Abrabov: Tashkent, 2007. – 148 p.
2. Azimov I. M. Architectural Monuments of Fergana Valley / I. M. Azimov. Tashkent : Uzbekistan, 1982. – 72 p.

3. Azimov I. M. Architecture of Uzbekistan in XVIII - early XX cc.: Traditions and local features: Dr. Sci. ...doctor of architecture : 18.00.01 / Azimov Iskandar Mukhtarovich. - Tashkent. 1999. – 343 p. : ill.
4. Babadjanov B. M. Kokand Khanate: power, politics, religion / B. M. Babadjanov. - Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 2010. – 774 p.
5. Weimarn B. V Architectural and Decorative Art of Uzbekistan / B. V. Veimarn. - Moscow : ed-in and typ. State Architectural Publishing House, 1948. - 62 p.
6. 6. Weimarn, B. V. Classical Art in Islamic Countries: - Moscow: Art, 2002. - 494 p.
7. The Art of Architects of Uzbekistan: a collection of articles / Academy of Sciences of the Uzbek SSR. Institute of Art Criticism ; ed. Ed. by Doctor of Art History G. A. Pugachenkova. - Tashkent : Publishing house of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1962-1969. – 4 т.
8. Mamadnazarov M. Monuments of Architecture of Tajikistan / Munavar Mamadnazarov. - Moscow : Progress-Tradition, 2015. – 493 p.
9. Mankovskaya L. Monuments of architecture of Khorezm / L.Y. Mankovskaya, V.A. Bulatova. - Tashkent :: Publishing house of literature and art, - 1978 – 198 p. XIII/118 : il.
10. Man'kovskaya L. Yu. Typological Bases of the Architecture of Central Asia (IX - the Beginning of the XX Century) / L. Yu. Ed. G. A. Pugachenkova. - Tashkent : Fan, 1980. – 183 p.
11. Essays on the History of Statehood in Uzbekistan / Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan / ed. by D. A. Alimova, E. V. Rtveladze. - Tashkent: Sharq, 2001. – 208 p.
12. Pugachenkova G.A. History of arts of Uzbekistan since the most ancient times until the middle of the nineteenth century / G.A. Pugachenkova, L.I. Rempel ; Institute of Art-knowledge named after Kh. Hamza Hakim-zade Niyazi M-va of Culture UzSSR. - Moscow : Art, 1965. – 688 p.

13. Pugachenkova G. A. Central Asia: Handbook / author of the text and compiling the album G. A. Pugachenkova. - Moscow : Art, 1983. - XLII, 427 p.
14. Sukhorukov S.A. Architecture of the Countries of Islam: Traditions and Innovations / S. A. Sukhorukov. - Saint Petersburg : Aletheia, 2014. – 134 p.
15. Uzbeks / N. N. Miklukhov Institute of Ethnology and Anthropology. N. N. Miklukho-Maklai RAS; Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; eds. by Z.H. Arifkhanova, S.N. Abashin, D.A. Alimova. - Moscow : Science, 2011. – 688 p.
16. Central Asia as a part of the Russian Empire / S. N. Abashin, D. Arapov, N. E. Bekmahanova et al. Abashin, D. U. Arapov, N. E. Bekmakhanov et al. Ed. S. N. Abashin. - Moscow: New Literary Review, 2008. – 451 p.
17. Ferghana Valley : The heart of Central Asia / Frederick S. Starr, Baktybek Beshimov, Inomjon I. Bobokulov, Pulat Shozimov. 2014. – 512 p.
18. Levi S. C. The Rise and Fall of Khoqand, 1709-1876: Central Asia in the Global Age. / Levi S. C. - University of Pittsburgh Press, 2017. – 289 p.
19. Olufsen O. The Emir of Bokhara and His Country: Journeys and Studies in Bokhara (with a Chapter on My Voyage on the Amu Darya to Khiva) / O. Olufsen. - London : Heinemann, 1911. – IX, 599 p.
20. Wilde A. The Emirate of Bukhara / A. Wilde // Oxford Research Encyclopedia of Asian History. London : Oxford, 2017. – 21 p.

© Кондрякова П.А., 2022 Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №7/2022.

Для цитирования: Кондрякова П.А. ПОЗДНИЕ МЕДРЕСЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XIX ВЕКА // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» №7/2022